

Островский Александр Николаевич

Светит да не греет

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Николаевич О.**
Светит да не греет / Островский Александр Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
102 с.

ISBN 978-5-521-26743-9

ISBN 978-5-521-26743-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Дерюшнѣ. Отрысать изволятъ, устали?

Даша. Да, устала; мы вѣдь только пригаса, какъ прѣхали.

Дерюшнѣ. Какже! Мы такъ и встрепенулись, вся деревня целыхами колокольникъ-то! Нежданно-негаданно, какъ мы ихъ бывшіе крестьяне; а я признаться и старостой ходилъ еще при ихъ родителѣхъ.

Даша. Присяжете пока.

Дерюшнѣ. Ничего постоимъ. А вы, сирѣдственно, при нихъ, при барыниной нашей?

Даша. При ней.

Дерюшнѣ. На какомъ-же, то-есть, положеніи, сѣ какъ?

Даша. Я прислуга, горничная ея.

Дерюшнѣ [поисаеъ затылокъ] [надрываеъ картузъ]. А, да такъ вотъ что оно! [вздыхаетъ]. И давно при нихъ?

Даша. Шестой годъ; за ураницей мы были, съ княгиней вмѣстѣ. Княгиня умерла, — такъ мы сюда!

Дерюшнѣ. Мы слышаны, тогда вы ихъ вотинничую контору писмо принио за черной печатью.

Даша. Да, всего три мѣсяца назадъ, въ Парижѣ.

Дерюшнѣ. Ну, что-жъ, царство ей Небесное! Стара ужъ была.

Даша. Ну только одна моя привычка къ Аннѣ Владиміровнѣ, а то бы кажется ни за какія деньги не пошла въ такую шумъ. Ни свѣта, ни людей, окромя помимо мужиковъ.

Дерюшнъ. Да, конечно, кому какъ, - а барышня наша, душевный человекъ; бывало это разговаривалась съ тобой, какъ съ своимъ братомъ.

Даша. Ну ужъ за то, какъ найдетъ на нее хандра, такая, тоже не подступайся.

Дерюшнъ. Ну, само-собой, господа!... Привычка эта у нихъ тоже иногда, современемъ... Видали мы тоже. Не долго тогда барышня у насъ прожила, съ годъ время не больше; тутъ померла, по мѣту, мажущая, а по существу, веревкѣ отселева съ пяткомъ, село Отрада есть, тамъ это княгиня нѣздомъ проживала лѣтние время, крестная она барышнѣ-то была. Ну, приѣхала она тогда на похороны, съ хорониш; да и взяла нашу барышню замѣсто дочери, и увезла отъ насъ. Съ той поры и не видели мы барышню свою. Ито?... Да шестой годъ, - такъ шесть лѣтъ скоро будетъ тому.

Даша. Мы больше живемъ въ Итали, въ Швейцаріи тоже, въ Парижѣ только послѣдній годъ, потому такъ какъ княгиня все лежала у тамошнихъ докторовъ.

Дерюшнъ. Ну, какъ же теперь барышня наша? Здрѣсь, значить, думаетъ поселиться?

Даша. Избави насъ боже! Мы только сюда такъ, взглянуть, ну и по дѣламъ.

Дерюшнъ. А какія-такія дѣла будутъ у нихъ?

Даша. Не знаю право. Ито-то о деньгахъ; деньги Анны Владиміровны нужны теперь.

Дерюшнъ. Деньги?... Такъ. Ну нуужно-жъ, спрошу я васъ такъ, княгиня своей крестницей-то, отъ своего богатства ничего ужъ!

Даша. Ничего. Нѣсколько вещей, платье и только. Княгиня все думала жить, не ожидала скорой своей смерти, а вдругъ умерла и даже безъ всякаго завѣщанія.

Дерюшнъ. Оказія!

Даша. Все досталось сыну; а отецъ такой человекъ, что всегда почти въ долгахъ.

Дерюшнъ. Н-да... и наша барышня тоже - подумаи и о ней. Вотъ долги свои не наша до сей поры.

Даша. Какой это долги?

Дерюшнъ. Обыкновенно, подѣ вънецъ тѣбѣ, законъ поцѣсти, и тѣздо свѣтъ.

Даша. Очень нужно! Не хотѣли просто себя связывать и воли своей рѣшаться. Посмотрѣли-бы вы, сколько всякихъ жениховъ было тамъ за границей, даже одинъ изъ иностранныхъ графовъ!

Дерюшнъ. Видимое дѣло что не хотѣли, а то кажется какъ-бы не нашлись жениха такой барышни! Бѣтъ и тутъ одинъ баринъ, зовутъ его Семенъ Семеновичъ, Залѣтинъ прозывается; промежъ дворянскъ разговоръ былъ, что будетъ женихомъ. Мы такъ и полагали, что быть свадьбѣ, - а нѣтъ! Барышня уѣхала, а Семенъ Семеновъ и по сей часъ зѣрка.

Даша. Теперь даже и наша сестра не очень такъ

кидается, чтобъ непременно замужъ; можно и безъ этого, и даже очень свободно прожить! А то еще навязывается на шею какой, жизнь свою проклянешь!

Дерюшнѣ. Чужь это что говорить! А бываешь, въ годъ, тоже копытъ и въ осенкомъ сословіи, ну а и нашъ братъ коли царичий попадется, такъ не наказки воспоги! Въ террасѣ сидитъ Ренева.

Явленіе 3.

Ренева, Даша, Дерюшнѣ.

Ренева. Демисъ Иванъ, кажется!

Дерюшнѣ схватываетъ руку. Ахъ, барышня, матушка, узнай! Дозвольте руку! Цѣлуетъ руку.

Ренева. Здраствуйте, здраствуйте! Даша отвори въ окна въ дворъ, - воздухъ, воздухъ большіе, свѣтъ! Такой тамъ мракъ... Приснула - ужасъ: темнотинишь насчетъ, какъ уробъ! Даша уходитъ.

Дерюшнѣ. И го-же тутъ! Домъ на заперти, живой души нѣтъ. И на дворъ-то пусто: одинъ Ильинъ съ своей Степанидой въ жидарикъ караулъ содержатъ.

Ренева. Здрѣсь въ саду лучше отдыхаться. Но и садъ, - какое зачестнѣе крыло!

Дерюшнѣ. Безъ хозяина, барышня, домъ сирота... Извольни пріѣхать и насъ-то всѣхъ, какъ солнышкѣ освѣтило! Тотъ привѣтъ цвѣтѣтъ, пожаловали въ родное члѣздышко!

Ренева. Да, опять на родинѣ! Садится къ столу.

Но какъ тутъ все печально, какъ все печально! Садитесь, Денисъ Ивановичъ, да надѣвайте шапку.

Дерюшнѣ. Нѣтъ, какъ можно съ!

Ренева. Я вамъ приказываю, безъ церемоній.

Дерюшнѣ. Слушаю съ. [Садится]. Им... человекъ-то, воспри ты Боже мой! — какъ тамъ жить ни хорошо, а все хочется глянуть на свое родное.

Ренева. Давайте пить чай и расскажите мнѣ про свое житіе-бытіе. [Намываетъ].

Дерюшнѣ. Благодаримъ покорно, матушка-барышня.

Ренева [пододвигая чашку]. Пейте и рассказывайте. [Медленно пьетъ сама].

Дерюшнѣ. Да что наше житіе, барышня; свѣта не видимъ, такъ копошимся, какъ червь въ землѣ. Ни стоить разговора наше житіе.

Ренева. А я повидала свѣтъ, поспрашивала, Денисъ Ивановичъ. Пейте-же чай, пожалуйста.

Дерюшнѣ. Въ ваше позволенія, комм... и имѣете честь проздравить съ пріѣздомъ.

Ренева. Благодарю. А вотъ въ такомъ дѣлѣ, Денисъ Ивановичъ, деньги мнѣ очень нужны.

Дерюшнѣ. Кому они не нужны, матушка-барышня.

Ренева. Но мнѣ особенно. Я осталась въ настоящую минуту, почти смертныя кнѣзичи, безъ всякихъ средствъ;

аренды, которую вы, крестьяне, платите за землю, мне не достаточно, - должна же я чем-нибудь жить. Это мне давать?

Дерюшнъ. Н-да... какое дѣло! |Нѣтъ чай|.

Ренева. Ужестно, - а придется навсегда разстаться съ своими родными цюлками; я - дѣлаю продать имѣніе.

Дерюшнъ. Продать!... А вѣдь жаль поди! Свое родное!

Ренева. Дѣлать нечего!... Зовѣ и покупайте всѣмъ обществомъ всимѣ, или однимъ.

Дерюшнъ. Ахъ, барышня, рады-бы мы въ рай, да цю-ли не щуютъ! Колѣненькій мы совсѣмъ народъ, перекалываемся изъ-дня въ-день.

Ренева. Ну, полно вамъ Бога житьи! Я знаю у васъ-то есть деньги.

Дерюшнъ. Деньги! Какія у меня деньги? Шутить изволите, барышня; цюль какой-нибудь для смертнаго іаса, на поминъ дѣши.

Ренева. У васъ, я помню, сыновья, такіе молодцы, гдѣ-то тамъ подрядчиками, - въ Одессѣ, кажется.

Дерюшнъ. Захотѣли вы, барышня, отъ сыновѣй нынѣ! Давно ужъ отовишь. Такъ развѣ иной приишетъ когда малость на наше убожество къ празднику.

Ренева. Такъ ищите мнѣ покупателя.

Дерюшнъ. А покупателя можно найти, и будто онъ ужъ есть на шазахъ. |Нѣтъ чай|.

Ренева. Только не барышника какого-нибудь. А то

вѣдь порубить и рожи, и эти старыя деревья. Мы-бы не хотѣлось.

Дерюшнѣ. По вашему желанью-съ, такой онъ, ка-
жись, покупиликъ и бѣдетъ: баринъ онъ изъ Петербурга,
въ большахъ чинахъ, ну и, по видимости, съ капиталомъ.
Ему имѣнія больше требуются для воздуха, чтобъ, по
своему нездоровью, онъ и сейчасъ проживаетъ надалеко
здѣсь, въ родѣ какъ на дѣлѣ. Если приказаніе ваше бу-
детъ, можно переговорить.

Ренева. Отлично, переговорить.

Дерюшнѣ. Слушаюсь-съ. Можетъ они и сами къ
вамъ навѣдаются.

Ренева. Очень рада бѣдѣ; скорѣй-бы это устроить!

Дерюшнѣ | дрочиваетъ, опрокидываетъ чашку и кланяет-
ся. Благодаримъ покорно, баринья, за чай-за-сахаръ,
за милость вашу.

Ренева. Не хотите-ли еще?

Дерюшнѣ. Нѣтъ, ужъ достаточно съ насъ-съ.

Ренева. А что наши сосѣди? Живъ-ли старикъ
Васильковъ, нашъ бывшій управляющій?

Дерюшнѣ. Живъ Мрофимъ Федоровъ, живъ-съ, да
все что-то прихварываетъ; охворѣлъ онъ, дочка у него,
Ольга Мрофимовна, подросла. | Вздвигаетъ |.

Ренева. Ахъ, - а что Замѣшнѣ?

Дерюшнѣ. А Семенъ Семеновъ нигде-съ, - проживаетъ-се-
бѣ въ своей Мишке. Да вотъ шелья къ вамъ, а они,

вижу, за деревней прогнали кь себѣ на мельницу, должно
разшляться вздумали. А какъ узнають теперь, что вы,
барышня, пожаловали, такъ не заѣхали бы кь вамъ. Это
заѣдутъ безпрямьно заѣдутъ на обратной дорогѣ....
И съ сурпырой своей прогнали.

Ренева | встаетъ |. Очъ развѣ женатъ?

Дерюшнъ. Какъ же съ, годъ ужъ съ тѣш, и грѣшки
есть.

Ренева. Вотъ какъ! На комъ же?

Дерюшнъ. А будетъ она купеческая съ, рощи ѣ отъ
ца-то и скотиной торгуешь. А вышешъ-то тоже изъ
нашего брата.

Ренева | отходя, какъ-бы про себя |. Это было шесть
лѣтъ назадъ, и это теперь!...

Дерюшнъ | присматриваясь направо |. Барышня, Се-
менъ-то Семеновъ лезокъ на поминки: вамъ они подыба-
ли.

Ренева. Такъ прощайте, Денисъ Ивановичъ, пох-
лопочите.

Дерюшнъ. Слушаюсъ, бѣдѣ стараться. | Ренева ухо-
дитъ. Входитъ Ильинъ и Степанида. Ильинъ беретъ подносъ
съ ташками |

Явленіе 4.

Дерюшнъ, Ильинъ, Степанида.

Ильинъ | спотыкается, одна ташка разбивается |. Ахъ,
ты, что тебѣ!

Степанида | поднимает чепки и кладет на поднось | И кто его просит! Отдай!

Цыль. Брысь! Отойди отъ грѣха! | Уходитъ |

Степанида. Наказанье ты мое! | Беретъ самоваръ и несетъ. За сценой еще что-то падаетъ и разбивается въ дребезги. Вотъ такъ, крощи мышь! Ахъ, наказанье! | Уходитъ |.

Дерюшнъ. Эхъ, кабы мнѣ этого барина посадить здѣсь, подходящій онъ намъ, въ нашихъ крестьянскомъ дѣлѣ все одно какъ мисденецъ. За его спиной я-бъ самъ баринамъ быль. Забылъ я барышникъ одно дѣло сказать; а теперь-вонъ она съ гостями идетъ... Ну, все одно поситъ | Уходитъ въ глубину сцены. Восходятъ съ террасы Реня, Замышнъ, и Авдотья Васильевна |.

Явленіе 3.

Реня, Замышнъ и Авдотья Васильевна

Реня. Но это ужасно, это непоправимо, Семичъ Семичъ, какъ вы распорядили! Ха, ха, ха! Я васъ не узнаю, это кто-то другой!

Замышнъ. Другой и есть, Анча Владиміровна, совсемъ другой; не рыцарь, нѣтъ; одно только христіанское имя и осталось у меня отъ прежняго.

Авдотья Васильевна. Я ужъ имъ сыворотку отъ полноты пишу; потому у меня папаша тоже, даже одышка у нихъ, такъ они все эту сыворотку.

Замышнъ. Ну да и ты, моя дробжайшая, не изъ худенькихъ.

Авдотья Васильевна. Все-жэ таки я хужэе васэ! Какэ вы скажете, какэ на ваши глаза, Анна Владиміровна?

Ренева. Им... право не могу сказать!

Замышинъ. Парюка, одно слово!

Авдотья Васильевна. Извините, пожалуйста! Вы вспомните какэ мы въ прошломъ году на вѣсы становились: въ васэ полтора пуда больше.

Замышинъ. Неопровержимо!

Авдотья Васильевна. А какэ въ орбужикахэ, такэ я была очень тонкаго сложенія и даже кашияма. Ахэ, чтожэ это у васэ за-сма яблоки нынѣшній годэ! Проходили мы по саду....

Ренева [разсѣянно]. Яблоки? Да, кажется.

Авдотья Васильевна. Ну, и вишня, такэ это тоже на рѣдкость — какая крупная! Ужэ позвольте мнѣ съ кустика попробовать.

Ренева. Сдѣлайте одолженіе.

Замышинъ. Любительница она всякихъ плодовъ земныхъ!

Ренева. Такэ пожалуйста, сколько угодно! Я еще не знаю, гдѣ у насэ тамэ вишня.

Авдотья Васильевна. Вы не безпокойтесь, я знаю; тамэ, въ концѣ сада. Мнѣ попробовать, а то-бы я на вѣренъе попросила. [Уходитъ].